

Александр Посохов

A detailed illustration of a fox and a rabbit in a forest setting. The fox, on the left, is wearing a bright red hooded cape with gold buttons and has a mischievous expression. The rabbit, on the right, is wearing a thick grey fur coat with a white fur collar and a red patterned scarf. They are standing on a wooden path in front of a rustic log cabin with a corrugated metal roof. The background shows a misty forest.

**Театральные
басни
Посохова**

Александр Посохов

Театральные басни Посохова

«Автор»

2026

Посохов А.

Театральные басни Посохова / А. Посохов — «Автор», 2026

Известно, что басня идеально подходит для театральной постановки, если она обладает яркой драматургией, динамикой и выразительными характерами. Поскольку в отличие от простого чтения вслух, сцена требует действия и визуализации. Ключевыми признаками басни, которую можно с успехом поставить на сцене, являются наличие четкого конфликта, драматичное развитие сюжета, живой диалог и узнаваемые человеческие типы. С хрестоматийными баснями всё ясно. Однако автор предлагаемого сборника своих басен уверен, что можно вполне успешно инсценировать и малоизвестные современные басни. А также просто художественно прочесть их со сцены или перед телекамерами.

© Посохов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Посохов

Театральные басни Посохова

Театральные басни Посохова

Москва

2026

Известно, что басня идеально подходит для театральной постановки, если она обладает яркой драматургией, динамикой и выразительными характерами. Поскольку в отличие от простого чтения вслух, сцена требует действия и визуализации. Ключевыми признаками басни, которую можно с успехом поставить на сцене, являются наличие четкого конфликта, драматичное развитие сюжета, живой диалог и узнаваемые человеческие типы. С хрестоматийными баснями всё ясно. Однако автор предлагаемого сборника своих басен уверен, что можно вполне успешно инсценировать и малоизвестные современные басни. А также просто художественно прочесть их со сцены или перед телекамерами.

Волчья смекалка

Не тыкай лишний раз в шпаргалку,
Включай природную смекалку!

Зря он без взрослых в лес ходил,
Он в волчью яму угодил.

– Ты цел?

– Ага, язык лишь прикусил, глядите.

– И я вот также загремел.

– Так вы меня сейчас съедите?

Зачем, какой в том толк!

Я ж не крыловский страшный волк,

И ты не басенный ягнёнок,

А кучерявый пацанёнок.

Вокруг и так полно зверей.

Ты лучше думай поскорей,

Как нам отсюда выбираться?

А то я тут уже простыл.

– Я не могу.

– А почему?

– А я смартфон свой позабыл.

– И что?

– А то!

Попробуй без него узнай,

Как надо вылезать из волчьей ямы.

– Тогда давай,

Я заберусь тебе на холку,

Ты встанешь в полный рост,

Потом я зацеплюсь за ёлку,

А ты за хвост...

Законы бытия упрямы:
Попал в беду, так не плошай,
Своим умом соображай.

* * *

А я так вижу!

По самому высокому тарифу
Доверили поставить Грифу
Трагедию Уильяма Шекспира
Про короля несчастного, про Лира.
И вот премьера.
Раздвинут занавес по сторонам,
А на полу, на сцене, тут и там,
Сплошная мертвечина:
Останки бородавочников, львов,
Жирафов, страусов, слонов,
И ни начала, ни конца.
Пытаясь выявить причину,
Спросили режиссёра, где ж тут Лир,
И где ж тут подлинный Шекспир,
И соответствие престижу?
На что ответил Гриф,
Спесиво хвост свой распустив:
– А я так вижу!

Гони того художника-творца,
Чей взгляд на наш прекрасный мир
Настолько субъективен,
Что противен.

* * *

Просто мама

Сидят на ветке две вороны.
Одна молчит, а у другой всё стоны:
– Совсем забыл меня сынок,
А я уж так его любила.
Хотела, чтоб летал он, как орёл,
И петь умел хотя бы, как щегол.
Во все кружки и секции его водила.
Ругала, если что, и даже била.
Всем для него была и вот итог –
Ни слуху от него, ни духу.
А как я возражала, чтобы он
Не выбирал себе жену среди ворон

И не привёл бы в дом старуху.
– А мне, так всё равно, как говорится,
На ком сыночек мой решил жениться
И что умеет он и как летает.
Зато меня не забывает, –
Прокаркала соседка.
И, правда, вмиг на ту же ветку
Подсел её сыночек к ней
С кусочком сыра.

Я в материнских чувствах не проныра,
Но всё ж мораль такая видится тут мне:
Быть просто мамой для своих детей
Достаточно вполне.

* * *

Прыщ

Процесс судебный начался, и аккурат
У бедного судьи прыщ на лице вскочил.
На что тут прокурор сурово заключил:
– Давить!
– Ни в коем случае! – заспорил адвокат. –
Прыщ по закону надо удалить,
В больнице.
Судебный пристав к знахарке судью послал,
Свидетель мазь какую-то достал,
Несчастный потерпевший плакать стал,
Старушка в зале осенила всех крестом,
А обвиняемый, взглянув на прыщ, заржал.
Потом
Судья так и судил с прыщом,
Пока не разнесло весь фейс, как говорится.

Я, собственно, здесь вот о чём:
Для власти сохранить лицо –
Не просто красное словцо.

* * *

Москва и Питер

В хорошей басне всё случается,
В ней даже города встречаются.

Сижу я на вокзале в Бологом,
Что меж столицами посередине,
И вдруг в зал ожидания Москва заходит

С пирогом.
За нею следом Питер входит
С пышкой.
Садятся рядом, как простолюдины,
И начинают есть.
– Не лишку? –
Спрашивает Питер у Москвы. –
Вы ж скоро жиром заплывёте.
– А я смотрю, и вы
Не впроголодь живёте! –
Заносчиво ответила Москва.
– Но вас-то, барышня, я здесь
Вообще признал едва-едва.
Где ж ваш нарядный сарафан из шёлка,
Кокошник, бусы, кружева?
– Тогда и вы уж, сударь, объясните толком,
Прошло всего-то двести лет,
А вы без сабли на боку, без эполет,
И вместо ментика какой-то свитер?

Потом Москва уехала в Москву,
А Питер в Питер.

Мораль тут предлагаю наугад:
Нельзя отметины бывшего
Перенести на новую канву.
Тем более, что много лет назад
И города-то не было такого –
Бологого.

* * *

Бабочка на навозе

Сказала Бабочка родителям своим:
– Чего в селе-то мы сидим?
В столицу надо улетать.
Там гладиолусы, тюльпаны.
Газоны, клумбы и фонтаны.
А здесь всё заросло плющом.
Репейник, правда, есть ещё.
– Ну почему же, – возразил отец. –
Есть одуванчик и чабрец
Есть василёк и зверобой.
– Есть даже хвощик полевой, –
Добавила с любовью мать.
Но дочка уж сама могла летать.
Была она в столице или нет,
Никто доподлинно не знает.

«У скотного двора едва порхает, –
Поведал как-то шмель, сосед. –
Не может до села добраться.
Сидит красавица, боясь мороза,
На куче свежего навоза».

Мораль я изложу тут вкратце:
Не надо бы туда нам лезть,
Где не по нашим силам честь.

* * *

Заяц-ревизор

Назначил Бог Косого ревизором,
Чтоб выявить того в тайге,
Кто кормится в реке
Икрой горбуши, кижуча и нерки.
– Устрой всем хищникам проверки,
А я покрою их позором
За поедание икры,
То есть фактически зародышей.
Негоже же
Так фауну губить, ей богу! –
Сказал ушастому Всевышний. –
На свете нету лишних.
И вот заходит Заяц поутру
В берлогу.
– И что ты видишь здесь? –
Спросил Медведь.
– Таз на столе и в нём икру.
– А так? –
Переспросил Медведь
И положил на стол морковку.
– Всего полтазика икры.
– А так? –
И на столе уж две морковки.
– Икры почти что не осталось.
– А так? –
И на столе уж три морковки.
– Икра, конечно, есть, но малость,
Чуть-чуть, посерединке.
– А так? –
И Мишка показал кулак.
– А так не вижу ни икринки, –
Проямлил трепетно Косой,
Схватил морковки и долой.

Плохой

Из Бога менеджер по персоналу:
Затея с зайцем потерпела крах,
Трусишка серенький в чинах
Не страшен криминалу.

* * *

Профессионал

Пришла старушка как-то к Волку.
К тому, что жизнь свою без толку
Вином залил,
И был
Уж через то ненастоящим.
– Сыночек, – голосом молящим
Сказала жалобно она. –
Не боров вырос – сатана.
Здоров, как бык, и зол, как псина.
Такая жуткая скотина,
Что могут вызвать даже в суд.
Зарежь его, прошу как сына.
Представь, что ты ещё мужчина
И будто всё ещё в лесу,
А я за это поднесу.
Волк понял – будет похмелиться.
– Враз завалю, как говорится.
Без визга, профессионально.
В свинарник он вошёл нормально,
Успел и дверку запереть.
А вышел – страшно посмотреть:
Изодран весь почти что в ключья
И дышит из последней мочи.
– Ой, бедненький ты мой сыночек!
Да кто ж из вас кого зарезал?
– Не знаю, бабка, но раз врезал
Я всё ж ему
По пятаку.

* * *

Волк и цирковые собачки

Пышногривый Пекинес
И кудрявая Болонка
С весёлым лаем забежали в лес.
И видят, на лужайке, чуть в сторонке,
Худой, облезлый, старый Волк лежит.
– Вы кто такие? –
Говорит.

– Мы из Москвы,
Собачки цирковые.
А вы?
– А я издалека пришёл к столице,
Чтобы полегче прокормиться.
Но дичи никакой тут нет,
Одни заборы и дороги.
– А вы идите к нам, у нас порядок строгий:
Попрыгал, поскакал – обед,
Покувыркался – ужин.
– Такой порядок, мне не нужен!
Я лучше сдохну прямо здесь,
Чем буду бегать по арене.

Ну не мораль, так просто мнение:
Не вытравить из волка честь,
Как из того, кто за прокорм покорно служит
На задних лапах вскок, поджав передние.

* * *

Признание

Едва
Смогли узнать друг друга два
Товарища – так сильно сдали.
– Пойдёшь?
– Пойдём.
Поковыляли.
Пришли, расположились, взяли.
И потекла живая речь.
– Однажды выложил я печь,
Такую печь, что до сих пор
Меня там помнят.
Да, Егор.
Работал я и печником.
– А что потом?
– Потом я был массовиком
Потехи ради.
– Вот не подумал бы, Аркадий.
– Потом с тоски преподавал,
Афиши в клубе рисовал,
Тайгу валил,
Дома рубил,
В кино работал,
Крыши крыл,
Китов ловил,
Баранов брил,
Огонь тушил,

Костюмы шил,
Играл в оркестре на трубе,
Таскал диваны на себе,
Был массажистом в финской бане,
Брал чаевые в ресторане,
Фотографировал,
Доил,
Полы паркетные стелил,
Потом работал в профсоюзе,
Потом выделявал на пузе
В каком-то цирке номера,
Давал и уголь на-гора.
Потом писать пришла пора.
– Да, необъятно как-то очень.
Но больше всё ты был рабочим.
А вот начальником ты был?
– Был я этим, правда, был.
В одном
Совете областном.
– А был ли ты парашютистом?
– Был.
– А журналистом?
– Был.
– А?..
– Был.
– Так кем же не был ты?
– Специалистом.

* * *

Бог не помог

Деваться некуда уже,
Решил Иван, и обратился к Богу:
– Мне тридцать лет,
А денег нет,
И дома нет.
Свернув на старую дорогу,
Народ остался в неглиже,
Пошёл назад и подошёл к итогу:
Теперь у нас опять
Князя,
Графья,
Маркизы
И их служивые подлизы,
Дворяне новые, ни дать ни взять.
Короче, Боже, умоляю,
Жени меня на дочери министра.
– Не могу!

– А почему?
– Вопрос, Ванюша, непростой,
Я ж вас по титулам не различаю.
Мне что дворянка,
Что крестьянка,
Была бы женщина святой,
С душою чистой!

* * *

Иван и Полкан

То ли волк уже не хищник,
То ли пёс не волкодав.

Иван, узнав,
Что пёс Полкан, работу ищет,
Потомком волкодавов став
Случайно,
Взял охранять его свою овчарню.
Год миновал, и что ж?
– Ты почему овец не стережёшь,
Вчера пропали враз две матки,
Позавчера ягнёнок и баран! –
Бранит охранника Иван.
– А я-то что, я ж вроде лаю
На волчью стаю.
– Ну а давить-то их когда начнёшь?
– Не знаю.

Пускай
С моралью тут не всё в порядке,
Зато доподлинно известно мне,
Что накануне при Луне
Вожак, перемахнув ограду,
Вручил Полкану за притворный лай
Какую-то медаль в награду.

* * *

Сердитый Ангел

Не подлежит то обсуждению,
Что Бог решил чего.
Вот так и появился зам его
По деторождению.
Теперь, чтобы родить,
Согласие необходимо получить
У ангела с сердитым ликом.

Стоят влюблённые пред ним,
Молодожёны.
И спрашивает он, поправив нимб:
– Так, субчики, ответьте,
Зачем вам дети?
– Не знаем.
– О, господи, пижоны! –
Зашёлся ангел криком. –
Одна морока с этими людьми!
Вы же не абы кто,
А хомо сапиенсы, чёрт возьми!
Детишек нарожаете и что?
– Не знаем.
– Любить их будете?
– Не знаем.
– Беречь их будете?
– Не знаем.
– А в детский дом их не сдадите?
– Не знаем.
– Очень жаль!
Согласие я вам
Не дам.
И уходите!

Мораль:
Когда инстинктам потакаем,
Подумать надо бы о том,
Как поведём себя потом.

* * *

Иван-дурак и ИИ

К Ивану-дураку,
Что до сих пор не спился,
ИИ с мешком явился.
«Я всех давно согнул в дугу,
Поработил, занейросетил,
Остался ты один, душою светел,
Живёшь своим умом, а так нельзя,
Я научу тебя, как надо».
Затем он взял мешок и говорит:
– Вот посмотри, что в нём лежит,
Не просто пища, а отрада.
Йоркширский пудинг, две сосиски
И односолодовый виски,
Прозрачный, чистый, как слеза.
Живи, Ванюша, по-английски.
– Чего! – наморщил лоб Иван,

Достал берёзовый стакан,
Налил из бочки мутной бражки
И выпил, замочив рубашку.
– Теперь, голубчик, закуси, –
Сказал услужливо ИИ. –
Вот лягушачьи лапки, гузки,
Солоноватый пармезан.
Живи, Ванюша, по-французски.
– Чего! – опять наморщил лоб Иван
И подошёл к порогу,
Достал из погреба сметаны жбан,
Капусту, лук, морковку, сало,
Наелся вдоволь и полез,
На верхний ярус сеновала.
А что ИИ? А он исчез,
Как не бывало.
С полomкой в схеме и мешком.

Нет власти у ИИ над дураком.
И слава Богу!

* * *

Всем по чайнке

Состарилась тайга:
На двух юнцов три старика,
Которые слегка бунтуют,
Медведя в серый цвет малюют.
Не обеспечивает, мол, едой,
Хотя обязан как хозяин,
Особенно ворчат с окраин.
Что делать в ситуации такой?
– А надо, как когда-то,
Подарки всем вручить сперва, –
Сказала мудрая Сова. –
Благое дело свято.
Намедни вот как раз
Сорока спёрла где-то пачку чая.
Твердит, что от отчаяния.
– Немедленно её ко мне,
Это приказ!
И вот стоит Медведь на пне,
Как на картинке,
И говорит мятежному зверью:
– Сегодня я, друзья, дарю
Всем по чайнке.
Для вас мне ничего не жаль.

Тут не мораль,
А формула проста:
Медвежья доброта
Равна длине его хвоста.

* * *

Смерть Кощея

– Бессмертие Кощея – бредь! –
Сказала Лешему старуха-Смерть. –
Да я его в два счёта разбессмерчу.
И, надо ж, он идёт навстречу.
– Привет, больной!
– А что со мной?
– Так у тебя же остеопороз,
Артрит, артроз, хондроз и сколиоз.
И это при твоём-то росте!

Явился Леший через год
К Кощею в гости,
А там на троне только меч да кости.

Выходит, правду говорит народ:
Причину смерть всегда найдёт.

* * *

Щенок, хозяин и козёл

Чужой козёл
Во двор забрёл.
А под крыльцом щенок ютился.
Пока он на козла глядел,
Тот в огороде всю капусту съел
И удалился.
Хозяин утром очень рассердился:
– Ты почему добро не уберёг!
– Не знаю, – заскулил щенок. –
А вдруг я вас бы разбудил.
Прогнал мужик несчастного щенка,
Поддав пинка.
А через год большой бездомный пёс
Козла того волкам отнёс,
А мужику тому чего-то откусил.

Не в том хозяйская бравада,
Чтобы на улицу прогнать:
Щенков учить и гладить надо.

Хотя, конечно, как сказать.

* * *

Страшный сон

Приснился как-то Ваньке сон,
Что будто ночью на балкон
К нему вскарабкалась старуха.
Иван, конечно, оробел
И даже свет зажечь хотел,
Но не успел –
Старуха рядом уж стояла.
Стянув с Ивана одеяло,
Она шепнула прямо в ухо:
– Должна я страшный суд свершить –
Тебя в постели задушить.
– За что? – пролепетал Ванюша.
– За то, что опоганил душу
И до сих пор не окрестился.
Такой вот сон Ваньку приснился.
Вскочил он утром и пустился,
Как обезумевший в церквушку.
А ночью вновь пришла старушка:
– Теперь обязанность твоя –
Молиться, глядя на меня,
Всю ночь без усталости и лени.
Вставай и падай на колени.
А то возьму и задушю...

Давать советы не спешу,
Не смею.
Но есть один – почти клише:
Не вешай крест себе на шею,
Коль пусто где-то там в душе.

* * *

Борщ

Намедни это было,
Хозяйка борщ сварила:
Говядинка, картошечка,
Капусточка, морковочка,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.